

Сергей КИРИЛЛОВ

МАЛЬЧИК

Казённый коридор оказался узким и несколько мрачноватым. Может быть, на самом деле это было так, а может, это только казалось всякому, в него входящему, потому что и само учреждение не располагало к веселью. Как-никак ОВД. Андрей Васильевич медленно шёл по проходу, изучая таблички с названиями кабинетов. «Следователь» — значилось на одной из дверей, и он тихонько постучал.

«Войдите!» — раздалось изнутри, и посетитель повернул ручку. За большим письменным столом сидела очень молодая женщина, почти девочка, ничем не напоминающая грозного представителя закона. — Проходите, пожалуйста! — пригласила она, протягивая руку за повесткой. — Я — следователь Никитина, — Комаров сел на предложенный стул и замер в ожидании. — Мы расследуем уголовное дело Мальчикова, — начала хозяйка кабинета. — Дело, в общем-то, закончено, но, прежде чем передать его в суд, мы решили встретиться с вами. Ведь это ваш ученик, да? — Комаров молча кивнул. — Мы решили просто услышать ваше мнение об этом человеке. Ведь, согласитесь, не всякий подросток попадает на скамью подсудимых, — вопросительно взглянула женщина. Андрей Васильевич поёрзал на жёстком стуле, предвидя не пятиминутный разговор, и коротко согласился. — Ну, вот и расскажите нам всё, что вы знаете о Мальчикове как о человеке», — поставила задачу Никитина.

«В общем-то, я вряд ли вас порадую, — начал Комаров, собираясь с мыслями. — Ведь вы видите в нём преступника, а я...»

«Нет, нет, нет! — энергично запротестовала следователь. — Всё наоборот: мы-то как раз и удивлены, что этот мальчик совершил преступление, и очень хотим понять, как он к этому пришёл».

«Мальчик, говорите? — Андрей Васильевич усмехнулся. — Странная игра слов: преступник — мальчик по фамилии Мальчиков. Да какой же он преступник! Вы хоть при мне постарайтесь не употреблять это слово. Я понимаю, конечно, что с точки зрения закона любой его нарушитель — преступник. Но всё-таки давайте изберём другие термины».

«Согласна, — откликнулась Никитина. — Мне и самой не нравится такое определение в этой истории».

«А человек он самый обыкновенный, — продолжал Комаров. — Шустрый, сметливый, наивный, любопытный — мальчик, одним словом».

«А вы знаете, — опять вставила Никитина, — ведь его так и зовут в кругу уличных шалопаев. Не Митя или там Димка, а именно «Мальчик». Или «Маля».

«Кличка, что ли?» — уточнил Андрей Васильевич.

«Ну, в общем, да, — согласилась Никитина. — Хотя и не хотелось бы здесь употреблять это слово. Но вы рассказывайте, рассказывайте».

«Учился он у меня всего год, — продолжал Комаров, — и очень он мне был симпатичен. Я, знаете ли, обожаю таких учеников, у которых глаза горят. Всё им могу простить, если вижу, что тяга есть к делу, глубина интересует, а не только вершки. Вы ведь понимаете, что в любой профессии можно насшибать верхушек, а настоящим специалистом не стать».

«Конечно!» — живо поддакнула собеседница.

«Так вот Митя был один из тех, кого суть интересовала, — мечтательно произнёс Андрей Васильевич. — И чтоб познать её, он ничего не жалел: ни времени, ни сил. И я с ним тоже заводился, как мальчик: вечер — не вечер, дела — не дела, как засядем в мастерской — про всё забываем!»

Лицо Комарова потеплело, на губах появилась мягкая улыбка, будто улетел он в своих мыслях из казённого кабинета в далёкий, ему одному ведомый мир его профессии.

«А как он вёл себя? Вне занятий. Вне училища», — поинтересовалась следователь.

«Тут, знаете ли, опять интересная штука, — оживился собеседник. — Он ведь городской, а домой никогда не спешил. То со мной в мастерской, то с ребятами в общепитии. А бывало, что и ночевать с ними оставался. И жил их жизнью полностью: уборка там... прочие хозяйственные работы. Меня это удивляло, и я — к его родителям. А там никого... — Комаров осекся на полуслове, словно налетел на стенку, и замолчал. На столе тикали большие часы, никто другой не решался вспугнуть установившуюся тишину».

ся тишину. — Соседи помогли, — горестно выдохнул Андрей Васильевич, отвечая на немой вопрос следователя. — Пьют его родители, оказывается, и пьют каждый день. Потому и дома их нескорю застанешь. А Митька ни разу ни словом про это. И по поведению его я ничего не замечал: общительный всегда, жизнерадостный, только в училище появлялся раньше всех; мы приходим, а он уже там».

«Курил?» — встала Никитина.

«Не! — категорически возразил Комаров. — Я с ними две недели в колхозе прожил, всех увидел — кто чем дышит. Мы ведь не запрещаем курить, и многие делали это в открытую. Митя — нет. В компании с ними, картошку пекут, дурачатся, но курить — никогда!»

«Н-да-а, — задумчиво протянула следователь, — прямо кандидат в ангелы, а не в преступники... ой, простите...»

Помолчали.

«В чём хоть его обвиняют-то? — спросил Андрей Васильевич. — А то ведь я не в курсе всех деталей».

«История, в общем, банальная, — ответила хозяйка кабинета. — Вы ведь знаете, наверное, что почти год после училища Мальчиков ничем не занимался. Работы по специальности ему не нашлось, связался с дурной компанией, бродяжничал, ну а дальше как в поговорке...»

«С кем поведёшься, от того и наберёшься...» — подхватил собеседник.

«Вот-вот!»

«Н-да, упустили мы его, — невесело подытожил Комаров. — И моя вина тут есть, — Андрей Васильевич тяжело вздохнул. — Сначала-то он работал — я знаю, — продолжил он после паузы, — и всё у него хорошо начиналось. Я и успокоился, тем более, что новый набор начался. А когда услышал, что у него всё изменилось, было уже поздно. Меня он явно стал избегать, а попробовать найти его — руки не доходили».

«Да вы не корите себя так! — остановила Комарова следователь. — У него, в конце концов, дом есть и папа с мамой».

«А-а-а, — безнадежно махнул рукой мастер. — Тоже мне — родители; название одно. Они ведь как отдали его в училище, то локтем, наверное, перекрестились. Заво-та отпала — кормить не надо! Удивляюсь, как он ещё до восьмого-то класса с пути не сбился? А ведь все условия налицо. Недаром его «классная» говорила ему при выпуске, чтоб он в училище шёл».

«А вы с ней знакомы?» — оживилась Никитина.

«Знаком, конечно, — подтвердил Комаров. — Она мне чуть ли не первого сентября позвонила и про Митьку поинтересовалась — как, мол, он? Я ещё удивился тогда — мальчишка как мальчишка, побольше бы таких — с чем же интерес-то связан? Ну, она и пояснила что к чему».

«А что она про него думает? Как оценивает?» — живо любопытствовала следователь.

«Да то же самое, в общем-то, — задумчиво ответил Андрей Васильевич. — Мягкость только его сильнее выделяет, податливость. Он ведь в последний год в школе тоже много пропускать стал и тоже из-за родителей. Уходил из дому и скитался где попало. А мальчишка добрый, мягкий, как пластилин, лепи из него что хочешь. Она за четыре года это лучше всех поняла, потому и посоветовала ему в ПТУ идти, чтоб от дома оторвать. Там-то уж точно ничего путёвого не слепили бы».

«Да, — согласилась Никитина, — тут вы правы; ни с родителями мальчишке не повезло, ни с компанией».

«А что за компания?» — спросил Комаров.

«Плохая компания, — ответила следователь. — Хулиганистые, распущенные, романтикой воровской бравируют, всё на грани закона, а иногда и за гранью».

«А Мальчиков?»

«И Мальчиков тоже, — со вздохом проговорила женщина. — За год так освоился в новой среде, что теперь один из её лидеров».

Снова помолчали.

«Мы его привлекаем за хулиганство, — продолжила следователь после паузы, — и хотим организовать выездную сессию суда. Прямо у вас в училище. Чтоб все видели. А вас... — Никитина помедлила. — А вас мы хотели бы сделать общественным защитником. Вы не против?»

Комаров пожал плечами:

«Не против, конечно, только в чём моя роль?»

«Выступите на суде, если потребуется, и расскажете всем то, что и мне сейчас рассказали, — вот ваша задача», — пояснила следователь.

«Ладно, — согласился мастер, — мне это нетрудно. Был бы толк».

...Заседание суда проходило через неделю. Актовый зал, где оно состоялось, был

переполнен — всем хотелось поприсутствовать на необычном мероприятии.

На импровизированной скамье сидел щупленький мальчишка лет пятнадцати на вид, хотя, как вскоре выяснилось, шёл ему уже восемнадцатый год. Пока шла официальная часть и представление участников процесса, он вёл себя довольно безучастно, показывая этим и свою наивность, и свою неопытность в таких делах. Проявлял, скорее, даже любопытство, как если бы дело касалось не его лично, а кого-то другого. Но вот стали читать материалы дела, и мальчишка сразу преобразился. Заметно было, что ему очень хочется высказать своё мнение по поводу, даже возмущение в отдельных местах, но строгий взгляд немолодого судьи всякий раз удерживал его от возгласов. Материалами дела было установлено, что обвиняемый в компании своих ровесников приставал к подросткам и вымогал у них деньги. Как правило, все попытки были успешны — одинокие жертвы не решались пойти на открытый конфликт с явно превосходящей силами группой — и карманы вымогателей быстро пополнялись мелочью. Но вот, на всеобщую беду, у очередного беззащитного не оказалось ни копейки. Напрасно Мальчиков и его окружение пытались угрожать несчастному, требуя хорошо поискать — денег не было. И тогда обвиняемый пошёл на последний шаг.

«А ну, выворачивай карманы, салага!» — грозно приказал он и боднул свою жертву головой в лицо.

Удар получился несильным, но не ожидавший его подросток потерял равновесие, попятился, оступись — и упал. И это бы не страшно, но, на беду, руки несчастного были в этот момент в карманах, подстраховаться было нечем, и, падая на спину, мальчишка ударился затылком об асфальт. Сознание он не потерял, но из его носа, разбитого при ударе головой Мальчикова, потекла кровь, и какая-то женщина тут же вызвала милицию. Виновника задержали, впоследствии выяснилось, что у пострадавшего сотрясение мозга, и дело завертелось.

Странное, на первый взгляд, дело; таких, если приглядеться, можно хоть каждый день заводить по десятку. Обычная же «бытовуха»: телесные повреждения минимальны, материальный ущерб ничтожен — именно эти детали всем своим видом и пытались подчеркнуть нетерпеливо ёрзающий на скамье подсудимый. Чувствовалось, что и в зале было немало единомышленников, которые то и дело позволяли себе короткие возгласы в поддержку обвиняемого.

Комаров был в замешательстве: защищать обвиняемого — полагалось ему по отведённой роли (его так и представили), но защищать от кого?

Начался допрос свидетелей. Их оказалось на удивление много, каждый приводил какой-то свой эпизод, и из маленьких их рассказов складывалась довольно стройная картина, показывающая всем, как постепенно и незаметно деятельность обвиняемого за гранью закона стала его повседневной нормой. И самое эту грань он перестал замечать, давно оставив её позади. Ну, подумаешь — попросил денег, ну и что? Мало ли людей друг у друга просят деньги; что, всех судить за это, что ли? Ну, подумаешь — боднул при этом головой в лицо, так что, кулаком, что ли, заехал? Кто же знал, что тот вдруг шлёпнется, ведь и боднул-то чуть — голова всё-таки, не полено какое-нибудь. И когда, наконец, судья обратился со своими вопросами к подсудимому, тот, ответив на них, неожиданно высказал суду все эти возмущённые мысли. Его шумно поддержали единомышленники из зала, раздались даже редкие аплодисменты, словно бы в ответ на речь маститого адвоката, и, услышав это, Комаров вдруг почувствовал, что внутри у него словно что-то лопнуло. Он отчётливо увидел в своём бывшем ученике, которого по-настоящему любил и жалел, готового сформировавшегося преступника! Да-да, именно преступника с полностью сложившейся психологией и уверенностью в безнаказанности, а не случайного правонарушителя. И ему расхотелось защищать Мальчикова. Наоборот, у него появилось жгучее желание — выступить в качестве главного обвинителя. Чтобы с позиции много повидавшего человека открыть всем, и особенно сочувствующим в зале, глаза на то, что перед ними действительно преступник, чтобы заставить замолчать доброхотов. Чтобы именно осудить сам факт омерзительного отношения подсудимого к окружающим. Когда ничто не принимается во внимание, кроме своего «я» и своих желаний. Когда походя, но глубоко унижается человеческое достоинство. Когда одинокие надломленные жертвы теряют способность противостоять коллективному злу. Но слова ему никто не дал, а просить его, понимая, что он не на собрании, Андрей Васильевич не стал. Зато слово сказал прокурор. Чётко, веско, аргументировано и в высшей степени профессионально.

«Ввиду большой общественной опасности преступлений, прошу суд назначить обвиняемому наказание в виде лишения свободы сроком на четыре года!» — закончил свою речь представитель закона.

В переполненном трехсотместном зале воцарилась гробовая тишина. Всех охватило мгновенное оцепенение, казалось, что собравшиеся перестали дышать. Четыре года! Вот те на! Побаловались... В мёртвой тишине кто-то обескураженно присвист-

нул, и судья предоставил слово адвокату. Довольно обиденного вида женщина что-то путано и невнятно говорила ошарашенному залу, и из всей её неубедительной и невыразительной речи до Комарова дошло только то, что обвиняемый молод и привлекается в первый раз. А значит, срок можно снизить до двух лет и меру наказания избрать условно.

Комарову показалось, что в стул ему навтыкали гвоздей! Он еле сдерживал себя, чтоб не вскочить, еле останавливал, чтобы, как школьник на уроке, не попросить слова. «Что вы делаете? Что же вы делаете? — хотелось выкрикнуть ему. — Неужели вы ничего не видите? Неужели ничего не понимаете? Давайте ему хоть десять лет условно, но на полгода отправьте за решётку. Обязательно! Чтоб он увидел, что тюрьма — это не дом отдыха. Чтобы вышибло из него всю его воровскую романтику. Неужто вы не видите, что он не чувствует себя виноватым, а обвинение в свой адрес воспринимает как некий обязательный атрибут. Дескать, так надо, так положено в суде, чтобы прокурор просил кары. Но главное — это что скажет адвокат. И неважно, что там напишут в деле, важно, что поговорим — и разойдёмся. Каждый по своим делам. Вы, дескать, новые приговоры стряпать, а я свою жизнь продолжать. И всё в ней останется как было, я же никого не убил...» Но слова Комарову никто не дал, секретарь объявила, что суд удаляется на совещание, и Андрей Васильевич понял, что он присутствовал на хорошо срежиссированном спектакле, где всё было оговорено заранее и каждый сыграл свою роль: кто хорошо, кто похуже, а кто просто помолчал статистом. Как и следовало ожидать, Мальчикову дали два года условно, и он, прямо в зале соединившись со своей компанией, весело смеясь, направился к выходу.

«Здравствуйте, Андрей Васильевич!» — бодро поприветствовал он Комарова.

«Здравствуй, Митя», — задумчиво отозвался мастер.

«Я свободен!» — снова весело улыбаясь, воскликнул Мальчиков.

«Вижу, Митя, вижу», — всё так же тихо проговорил Комаров.

«Радоваться надо, Андрей Васильевич! — возбуждённо продолжал бывший ученик. — Сейчас пойдём «обмоем».

«Нечему радоваться, Митя», — печально выдохнул учитель.

«Как это? — не понял Мальчиков. — Свобода же...»

«Свобода свободе рознь, Митя, — пояснил свою мысль Комаров, — а это свобода плохая. Но я очень хочу, чтобы она переросла для тебя в хорошую».

«Пошли, Маля! — нетерпеливо потянули подростка его компаньоны. — Нашёл, с кем базарить, «накатить» уже пора».

И под громкий хохот, больше похожий на лошадиное ржание, вся компания быстро загрохотала каблуками по лестнице, направляясь к выходу.

...А через два месяца в зале городского суда слушалось уголовное дело по обвинению Мальчикова в грабеже. Приговор — два года лишения свободы, плюс два условных по первому приговору, и на четыре года подросток отправился в колонию общего режима!

...Прошло пять лет.

История с «показательным» судом мало-помалу затянулась дымкой времени, и Комаров уже не вспоминал её с тем острым чувством несправедливости и возмущения, которые жгли его тогда, пять лет назад. Но вот однажды, по дороге на работу, он вдруг услышал:

«Здравствуйте, Андрей Васильевич!»

Комаров поднял голову и увидел перед собой высокого мужчину с импортной детской коляской. Рядом с ним, держась под руку, улыбалась изящная молодая женщина, и оба открыто смотрели на Комарова.

«Не узнаете?» — спросил мужчина, видя недоумённый взгляд, и широко улыбнулся.

«Н-не-е-ет... — неуверенно начал Андрей Васильевич и вдруг вскрикнул от удивления: — Митя?!»

«Я!» — ещё больше улыбаясь, ответил мужчина.

«Да как же... да как же ты... — застылся в словах Комаров. — Мне бы и в голову не пришло — так вымахал!»

Мальчиков громко расхохотался и успокоил:

«Многие так встречают, Андрей Васильевич, не вы один. Хотя про вас я думал иначе. Мы ведь с Алёнкой тут недалеко живём и вас часто видим. Она уже давно всё про нас с вами знает и всё ждёт, когда же вы нас остановите. Ведь столько за год в училище было пережито. Разве не так?»

«Конечно!» — согласился мастер.

«Вот и я так думаю, — согласился его ученик, — а потому решил, что вы на меня смертельно обиделись, коль не замечаете».

«За что, Митя?!» — чуть не крикнул Комаров.

«Ну, за то, что я вот такой непутёвый оказался, — пояснил Мальчиков. — Но я вас понимал и не судил за то, что забыли. Хотя, если честно, очень хотелось, чтоб помнили. И написать хотелось... оттуда ещё...»

«Так что же ты?!» — опять воскликнул Комаров.

«Да так получилось, — задумчиво проговорил мужчина. — Сначала такого желания не было, а когда появилось — засомневался: а имею ли я право? Понял: ведь я же преступник! Дважды судимый... И решил — нет. Пока не вернусь к нормальной жизни — никаких писем. Не о чём писать! Плакаться да каяться — это удел вольных грешников. А «там» надо «лямку тянуть». И думать, думать, думать, если не нравится».

Помолчали.

«Ничего я не забыл, Митя, — с нежностью проговорил Комаров. — Ни плохого, ни хорошего. Но больше хорошего, а потому часто думал: как-то ты там?»

«Всё нормально, Андрей Васильевич! — в тон ему отозвался Мальчиков. — Сейчас всё нормально. С прошлым «завязал» наглухо, Алёнка вот у меня теперь, малыш у нас...» — сильная мужская рука уверенно покрыла плечо спутницы, и молодая женщина засветилась тихой счастливой улыбкой.

«Сын?» — уточнил учитель.

«Да! — ответил ученик. — Андреем назвали, как вас...»

У Комарова перехватило дыхание; он стиснул зубы, чтобы справиться с подступившим волнением, и лишь через паузу поинтересовался:

«Сколько ему?»

«Третий месяц пошёл, — с теплотой в голосе сказал Дмитрий, — а Алёнкиной Машеньке третий годик. Но она мне, пожалуй, ещё больше дорога. Ведь это она нас случайно познакомила, а оказалось, что счастливо. Лучше моей Алёнки никого на свете нет! Так что сбьлись ваши пожелания насчёт хорошей свободы. Помните?»

«Помню, Митя, конечно, помню» — эхом отозвался учитель.

«А я ведь вас тогда не понял, Андрей Васильевич, в зале-то, — продолжал Мальчиков. — Я тогда вообще ничего не понял, весь тот суд каким-то глупым сном казался: чего, думал, пристали? Я же ничего плохого не сделал!»

«Видел я это, Митя, — подхватил Комаров, — по твоему поведению видел. И очень хотел тогда выступить совсем не как защитник. Чтобы тебе же и всем остальным глаза открыть, сон этот сбросить. Чтобы поняли все, что преступление это и действительно опасное. Не дали. А может быть, и не попал бы ты тогда на четыре года, если бы сразу всё понял?»

«Может быть, — согласился Мальчиков, — но что теперь? Из песни, говорят, слов не выкинешь. Главное, что теперь дошло, и ещё целая жизнь впереди. А уж мы её с Алёнкой проживём!..»

Красивая мужская рука снова крепко обняла женские плечи, и Комарову стало вдруг покойно и уютно на душе. Как если бы зажгли рядом большой костёр и он заполнил пространство своим теплом и светом.

«Дай вам Бог, ребята, — уж совсем по-отечески напутствовал он молодую пару, — и добра, и семейного благополучия полной мерой! И будьте всегда счастливы, как вот сейчас!»

...Прошло ещё полгода. Комаров часто вспоминал этот разговор и, проходя привычным маршрутом, всё надеялся на новую встречу. Но встреча не происходила. И вот однажды, уже зимой, он заметил впереди знакомую коляску. Но катила её совсем незнакомая женщина: сгорбленная спина, бессильно опущенные плечи, поникшая голова... Комаров подумал, что обознался — мало ли похожих колясок — и при обгоне только бросил короткий взгляд, чтобы убедиться в ошибке. Бросил — и обомлел! Это была она... Та самая изящная Алёнка, которая так счастливо улыбалась ему в мае при первой встрече. Её постаревшее на добрый десяток лет лицо казалось серым, как сумрачный промозглый декабрь, потускневшие глаза не выражали ничего, кроме пустоты и безразличия.

«Что с вами?! — охнул Комаров и в ту же секунду обратил внимание, что женщина вся в чёрном. Пронзённый смутной догадкой, ещё не отдавая себе отчёт ни в словах, ни в действиях, он машинально поправился: — Что с Митей?»

Она помолчала минутку, видимо собираясь с силой, и глухо выдохнула:

«Митя погиб».

«Как?! — вырвалось у Комарова. — Когда?»

«Его повесили... скоро 40 дней», — тихим эхом отозвалась женщина, и до учителя не сразу дошёл ужасный смысл сказанной фразы.

«Как... повесили?... — опять не нашёлся он. — Кто? Откуда известно?»

Алёнка снова замолчала, делая отчаянные усилия, чтобы овладеть собой, и Андрей Васильевич запоздало пожалел о том, что задал ей такие горькие вопросы. Но слово — не воробей... вопросы прозвучали...

«Это подельники его и дружки их, — снова тяжело выдохнув, пояснила женщина. — Они сидели все вместе, а как вышли, Митю хотели обратно на старое, а он отказался. Ни на кого, говорит, тебя, Алёнка, не променяю...»

Её вдруг прорвало, и она громко, безутешно зарыдала. Забеспокоился и заплакал малыш в коляске, Комаров засуетился, делая какие-то бестолковые движения, не зная, кому помогать, но женщина быстро овладела собой. Успокоила своего сына, промокнула глаза сама и вдруг, подняв голову, посмотрела прямо на мастера:

«Вы меня извините, Андрей Васильевич. Мне очень больно, и я больше не могу. Сходите на могилку к Мите — вы всё поймёте».

...Свежий, слегка припорошенный снегом земляной холмик на городском кладбище Комаров отыскал легко. На деревянном столбике-крестике была прикреплена тоненькая дощечка размером с тетрадный лист, предназначенная, очевидно, для монтажа на ней фотографии покойного. И фотография эта на дощечке была, но это была маленькая фотография, занимавшая едва ли четверть площади дощечки, и фотографию эту Комаров сразу же узнал. Это был снимок на память об училище, точно такой же имелся и у него самого. На чёрно-белом отпечатке был запечатлён симпатичный мальчик с правильными чертами лица и ясным открытым взглядом. Ниже снимка масляной краской были написаны его фамилия и имя. А ещё ниже, на свободном месте дощечки, Комаров заметил тонкие плохо различимые буквы. Они сделаны были, очевидно, авторучкой или чем-то подобным, но читались плохо. Андрей Васильевич пригляделся и понял: чья-то рука пыталась их соскоблить с памятника, но то ли попытка была неудачной, то ли другая рука постаралась восстановить написанное. Так или иначе — неважно, главное, что, приглядевшись, можно было различить: «Иуда предал Христа, а ты друзей. Прощения нет обоим!»

«Боже мой! — похолодел учитель, прочитав. — Даже мёртвого не оставили в покое!»

Он вытащил из кармана связку ключей и острой кромкой одного из них попытался уничтожить написанное. Но буквы не поддавались; пигмент глубоко впитался в дерево, и стало ясно, что без хорошего инструмента надпись не убрать. И тогда Комаров достал авторучку. Подумал немного, примерился и, перекрывая остатки старого текста, жирно написал поверх однажды услышанное и понравившееся:

*«Какой невыносимо тяжкой платой
За истины приходится платить...
Чтобы тебе и всем от злого мрака
Вперёд шагнуть хотя бы на полшага...»*

Выпрямился и долгим-долгим взглядом посмотрел в пространство перед собой.

«Прости меня, Митя! — наконец, произнёс мысленно, задержав взгляд на снимке. — Дай тебе Бог царствия небесного. Ты его выстрадал!»

С маленькой фотографии в ответ ему по-детски счастливо улыбался мальчик. Никем другим Комаров его и не знал.